

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕЛИГИОВЕДЧЕСКО-ПРАВОВЕДЧЕСКОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ПРОЯВЛЕНИЙ РЕЛИГИОЗНОГО ЭКСТРЕМИЗМА

Давыдов Иван Павлович,

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(г. Москва, Россия)

В докладе подчеркивается актуальность проблемы экспликации признаков религиозного экстремизма с целью консолидации усилий религиоведов и правоведов в деле осуществления религиоведческой экспертизы и применения контрэкстремистских профилактических и превентивных мер.

Современные исследователи выделяют различные формы экстремизма: социальный, этнический, политический, религиозный. «Религиозный экстремизм» – сравнительно молодое понятие, поэтому целесообразно было бы выработать единую для религиоведов и правоведов точку зрения на него.

Юристы уже предприняли некоторые шаги к его определению: «Религиозный экстремизм – нетерпимость по отношению к лицам, исповедующим другие религии, сопровождаемая призывами к совершению или совершением антиобщественных, зачастую противоправных, в том числе насильственных действий в отношении граждан»[3, с. 554]. Но «за бортом» такого определения остаются, например, верующие лица без гражданства и лица, индифферентно или же атеистически настроенные, в отношении которых экстремистами осуществлены противоправные действия. Криминологи под *религиозным экстремизмом* понимают социальное явление, проявляющееся в четырех взаимосвязанных формах: а) религиозного сознания, б) религиозной идеологии, в) религиозной деятельности, г) религиозной организации [1, с. 7–8]. Российское легальное определение экстремизма содержится в федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. N114-ФЗ. Законодатель здесь применил дескриптивный метод и задал определение простым перечислением. Несложно заметить, что в статьях этого закона в качестве синонимичных употребляются слова «экстремизм» и «экстремистская деятельность», хотя очевидно, что смысл их должен быть различным. Законодатель практически исчерпывающе попытался перечислить формы экстремистской деятельности, но не раскрыл *суть* экстремизма и его *природу*, отнеся это к компетенции доктрины. *Анализ* приведенного в законе перечня показывает, что экстремистская деятельность по своему содержанию может выражаться в трех самостоятельных группах деяний: а) физические действия; б) распространение в обществе экстремистских идей; в) финансирование экстремистской деятельности.

Наиболее адекватное философско-религиоведческое описание феномена *религиозного экстремизма* на сегодняшний момент дал отечественный религио-

вед А.П. Забияко [2, с. 1220–1221] Важно, что указанный источник содержит также попытку *видовой классификации религиозного экстремизма*, на что не способен ни один законодатель, поскольку законотворчество ориентировано на выявление и регулирование общего, а не частного. Так, в зависимости от основной направленности, религиоведы выделяют: 1) интраконфессиональный [термин наш. – И.Д.], 2) экстраконфессиональный (термин наш. – И.Д.), 3) лично-ориентированный, 4) этнорелигиозный, 5) религиозно-политический и 6) социальный религиозный экстремизм.

На фоне сравнительно недавних попыток возведения понятия *религиозно-политического экстремизма* в родовое, существенным моментом здесь является включение религиозно-политического экстремизма в контекст религиозного экстремизма в качестве видовой составляющей однородных явлений. *Этно-религиозный (религиозно-этнический) экстремизм* обычно имеет широкий этнополитический подтекст, что подчеркивается современными политологами и востоковедами. Религиозный фактор зачастую играет ключевую роль в самоидентификации представителей титульной нации. Речь идет не просто о религиозности, а о принадлежности к исторически обусловленному вероисповеданию (конфессии) или же строго очерченному внутриконфессиональному учению.

Религиозным экстремизм делает – 1) религиозное общественное (реже индивидуальное) сознание, если и только если ему присущи признаки тоталитаризации и гиперболизации ценности определенного конгломерата религиозных идей в ущерб всем остальным религиозным и светским идеям (например, нигилизм и фанатизм); 2) религиозная идеология, характеризующаяся произвольным провозглашением «абсолютной истины», сопровождающееся игнорированием или пренебрежением значимости альтернативных точек зрения. При этом аксиологически мир рисуется монохромно, с резким отграничением своего («белого») от всего остального «черного»; 3) религиозная деятельность, направленная на воплощение в жизнь провозглашенной идеологии с использованием методов физического и психического насилия; 4) религиозные организации, подпадающие под легальное определение «экстремистской организации». Религиозному экстремизму могут быть присущи такие черты как: партикуляризм, конформность умонастроений, иррациональность мышления, иррегулярность проявления, стереотипизация поведения (социальная ригидность) – т.е. слепое копирование образцов, чреватых «славой Герострата».

Следует особо подчеркнуть, что далеко не всякий религиозный экстремизм сопряжен с обязательным насилием, но если таковое наблюдается в форме запрещенных уголовным законом общественноопасных, антиконституционных или аморальных деяний, целесообразно использовать понятие *криминального религиозного экстремизма*, который имеет пять типичных проявлений: 1) институциональное; 2) обособленное внеинституциональное; 3) неособобленное внеинституциональное; 4) террористическое; 5) «неспецифическое» (термин условен. – И.Д. Объединяет все остальные общественно опасные злоупотребления – в широком смысле слова – свободой совести и вероисповедания, сопряженные с посягательством на различные социальные ценности).

Криминологами подчеркивается, что криминальный религиозный экстремизм (далее КРЭ) – самостоятельный подвид религиозного экстремизма, имеющий собственную детерминацию. Особенностью современного КРЭ может стать злоупотребление как легальными организационными формами, так и легальными средствами реализации прав и свобод человека и гражданина, в частности, свободы совести и вероисповедания. Система профилактики КРЭ может быть эффективной при условии ее направленности на все составляющие феномена религиозного экстремизма – со-

знание, идеологию, деятельность, организации. Собственно, в контексте *этнорелигиозного терроризма* как уголовно наказуемого деяния, речь может вестись исключительно о КРЭ.

В заключение еще раз подчеркнем, что экстремизм многогранен – религиозные сепаратисты и ксенофобы могут применять экстремистскую тактику в борьбе с инакомыслием, уничтожая даже памятники чуждой им религиозной культуры; экстремизм может быть и светским, направленным как против всех религий («борьба с религией» в условиях авторитарного/тоталитарного режима), так и выборочно – против определенной конфессии, особенно в контексте этнорелигиозного конфликта.

Существует опасность и экстримизации антиэкстремистской деятельности (по принципу «клин клином вышибают»). Антиобщественные акции, даже угрожающие перерасти в экстремистские, органы государства и общественные организации в соответствии с их правовым статусом и компетенцией должны предупреждать, контролировать и пресекать, не нарушая норм российского и международного законодательства. К примеру, меры политического, идеологического, информационно-пропагандистского, правового и специального характера по предупреждению, выявлению, пресечению и раскрытию религиозной экстремистской деятельности, минимализации ее последствий, должны осуществляться с соблюдением прав и свобод как верующих, так и неверующих.

Литература

1. Бурковская, В. А. Актуальные проблемы борьбы с криминальным религиозным экстремизмом в современной России. – М.: Ин-т правовых и сравнительных исследований, 2005.
2. Забияко, А. П. Экстремизм религиозный // Религиоведение / Энциклопедический словарь. – М.: Академический Проект, 2006. – С. 1220–1221.
3. Религиозный экстремизм // Терроризм. Правовые аспекты противодействия: нормативные и международные правовые акты с комментариями, научные статьи. – М.: Эксмо, 2007. – С. 554.